

Точнее сказать, решения, которые можно воспринимать как восполняющие взаимную односторонность.

Как ни парадоксально, но поиски идеального общественного устройства, предпринятые с разных идейных и политических позиций и развивавшиеся, казалось бы, в противоположных направлениях, привели к определенной общности результатов.

Идеологи анархизма и сторонники самодержавия как составной части народного идеала обнаружили приверженность к безгосударственному общественному союзу, где, говоря современным языком, отсутствуют все властные и силовые структуры. Оба современника оказались во власти мечты о людском братстве — справедливой социальной организации, не знающей гнета и насилия, основанной на солидарности и взаимопомощи.

Напомнить об этом сходстве в общественных идеалах двух великих мыслителей, не закрывая глаза на различие их устремлений в будущее, кажется уместным в наше смутное время, когда «постсоциалистическое» общество, разочаровавшись в старых идеалах, так и не нашло новых.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. Н. ТИХОМИРОВ

ДОСТОЕВСКИЙ ЦИТИРУЕТ ЕВАНГЕЛИЕ

(Заметки текстолога)

С Евангелием, подаренным ему в январе 1850 г. в Тобольске женами декабристов, Достоевский не расставался до конца своей жизни. Книга эта была с ним буквально ежедневно на протяжении более 30 лет. Принадлежащий писателю экземпляр сохранился (он находится в РГБ, бывшей ГБЛ: ф. 93. 1.5в.1). Это издание: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб.: В типографии Российского Библейского общества, 1823. Многие страницы книги испещрены пометами Достоевского. Немаловажное обстоятельство: это первый полный перевод Нового Завета на русский язык. (Перевод Четвероевангелия был выполнен несколько раньше и вышел в свет отдельно в 1819 г.)

Чтение Соней Мармеладовой Раскольникову евангельского эпизода воскресения Лазаря — символический «фокус» романа «Преступление и наказание». Сцена начинается так: «На комодке лежала какая-то книга. Он (Раскольников. — Б. Т.) каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» (6, 248). В комментарии Полного собрания сочинений писателя высказано мнение, что Достоевский здесь описывает свой личный, подаренный ему декабристами экземпляр (см.: 7, 386). Скорее всего, это действительно так. Отмечу не случайную деталь — следы времени на переплете книги.¹

Но для текстолога важен не столько переплет, сколько то, что находится под переплетом. В 1858—1860 гг. «по благословению Святейшего Синода» перевод конца 1810-х—начала 1820-х гг. был подвергнут капитальной переработке, и начиная с 1861 г. Новый Завет на

¹ Свой собственный экземпляр Евангелия Достоевский описывает и в романе «Униженные и оскорбленные»: «...Новый Завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (3, 177). См.: Коган Г. Ф. Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 3. М., 1994. С. 27.

русском языке издавался в новой редакции.² Следовательно, ко времени работы Достоевского над «Преступлением и наказанием» (1865—1866 гг.) русское Евангелие существовало в двух различных вариантах. Возникает вопрос: какой текст читает Раскольникову Сонечка?

Из комментария в Полном собрании сочинений можно заключить, что также — по изданию 1823 г. Правда, замечено: «Текст Евангелия здесь и далее Достоевский цитирует неточно» (7, 386). Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается иная и достаточно любопытная картина.

Редакция перевода 1858—1860 гг. текстуально достаточно близка к переводу в издании 1823 г.; и тем не менее она имеет, в частности в эпизоде воскресения Лазаря, целый ряд существенных лексических, синтаксических и других отличий. Приведу наиболее заметные различия в стихах главы II Евангелия от Иоанна, цитируемой Достоевским в романе (текст редакции 1860-х гг. приводится по изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. На русском наречии. СПб.: Синодальная типография, 1863):

1823	1863
Многие из Иудеев пришли к Марфе (ст. 19)	И многие из Иудеев пришли к Марфе
а Мария сидела дома (ст. 20)	Мария же сидела дома
Господи! <u>если бы Ты был здесь; брат мой не умер бы</u> (ст. 21)	Господи! если бы Ты был здесь; <u>не умер бы брат мой</u>
Марфа <u>говорит</u> Ему: знаю, что воскреснет (ст. 24)	Марфа <u>сказала</u> Ему: знаю, что воскреснет
я верую, что Ты Христос, Сын Божий, <u>Которому надлежало прийти в мир</u> (ст. 27)	я верую, что Ты Христос, Сын Божий, <u>являющийся в мир</u>
Иисус (...) Сам <u>огорчился</u> духом и возмутился (ст. 33)	Иисус (...) Сам <u>восскорбел</u> духом и возмутился
отняли камень от пещеры, где <u>положен был умерший</u> (ст. 41)	отняли камень от пещеры, где <u>лежал умерший</u>
Я и знал, что Ты всегда <u>послушаешь</u> Меня (ст. 42)	Я и знал, что Ты всегда <u>услышишь</u> Меня
<u>дабы</u> поверили, что Ты послал Меня (ст. 42)	<u>чтобы</u> поверили, что Ты послал Меня
обвитый по рукам и ногам <u>пеленами</u> ; (ст. 44)	обвитый по рукам и ногам <u>погребальными пеленами</u> ,
Тогда многие из Иудеев, <u>пришедшие</u> к Марии, и <u>видевшие</u> , что сотворил Иисус (ст. 45)	Тогда многие из Иудеев, <u>пришедших</u> к Марии, и <u>видевших</u> , что сотворил Иисус

При сопоставлении этих примеров с текстом романа Достоевского обнаруживается, что во всех без исключения приведенных случаях в «Преступлении и наказании» отражены чтения редакции начала 1860-х гг. (см.: 6, 250—251). Еще несколько мелких различий свидетельствуют о том же: в сцене чтения Соней Мармеладовой Расколь-

² См.: *Игумен Иннокентий (Паолов)*. О русском переводе Нового Завета // Евангелие от Матфея: на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.: Гнозис, 1993. С. 229.

никову «вечной книги» Достоевским цитируется новейший русский перевод Евангелия.

Однако при более тщательном анализе евангельских вставок в «Преступление и наказание» неожиданно обнаруживается, что этот принцип цитации осуществлен не вполне последовательно: в ограниченном количестве случаев, напротив, находим в тексте романа варианты чтений издания 1823 г.:

1823	1863
Был же болен некто Лазарь, из Вифании (ст. 1)	Был болен некто Лазарь из Вифании
Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему (ст. 20)	Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла <u>Ему навстречу</u>
Говорят Ему: Господи! <u>пойди</u> и посмотри (ст. 34)	Говорят Ему: Господи! <u>пойди</u> и посмотри
Сестра умершего Марфа говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе (ст. 39)	Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе
Сказав сие, <u>воззвал</u> громким голосом (ст. 43)	Сказав сие, <u>Он</u> воззвал громким голосом

Есть еще несколько более мелких различий, касающихся лишь пунктуационного оформления, которые приведу выборочно. При всей своей «микроскопичности» они также занимают свое место в общей картине:

1823	1863
Иисус, когда увидел ее плачущую, и пришедших с нею Иудеев (ст. 33)	Иисус, когда увидел ее плачущую, и пришедших с нею Иудеев
но сказал сие для народа, <u>здесь стоящего</u> (ст. 42)	но сказал сие для народа, <u>здесь стоящего</u>
Иисус говорит им: развяжите его; пусть идет (ст. 44)	Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет

(Здесь только необходимо отметить, чтобы не возникло недоразумений, что отражение в тексте «Преступления и наказания» вариантов чтений в редакции 1823 г. для первых двух приведенных примеров (ст. 33 и 42) устанавливается лишь по прижизненным изданиям романа. В Полном собрании сочинений в результате унификации авторской пунктуации в соответствии с современными правилами эти важные для нас сейчас нюансы оказались сглаженными: парадоксально, но, в отличие от текста Достоевского, академическое издание в указанных местах (ст. 33 и 42) дает варианты чтений, совпадающие с редакцией начала 1860-х гг.)

Как же объяснить обнаруженные следы раннего перевода в тексте евангельских цитат, в целом данных Достоевским по новейшей редакции? Здесь представляется достоверным единственное решение. Первоначально, работая над эпизодом, писатель в рукописи приводил цитаты по своему изданию Нового Завета 1823 г., бывшего у него, как уже

отмечалось, настольной книгой.³ Точно так же и внешне писатель изображает Евангелие Сонечки очень похожим на свое собственное. Но затем в силу каких-то причин (возможно, утверждение Святейшим Синодом нового перевода делало цитирование в печати «устаревшего» текста в редакции 1823 г. нежелательным) евангельские цитаты в «Преступлении и наказании» были приведены в соответствие с изданиями первой половины 1860-х гг. Но эта работа была проведена не очень тщательно: остались невыправленными около дюжины незначительных разночтений, которые и позволяют исследователю восстановить ситуацию.

Есть и аргументы иного рода в пользу того, что первоначально Достоевский использовал в работе над романом текст Нового Завета 1823 г. Это особые, «рабочие» пометы писателя на соответствующих страницах его личного экземпляра. В романе в эпизоде чтения героями Евангелия 11-я глава, повествующая о событиях воскресения Лазаря, не цитируется сплошь, но евангельские фрагменты разделены авторским повествованием. И в книге Достоевского все использованные им стихи отчеркнуты на полях и пронумерованы римскими цифрами в соответствии с тем, как они следуют в тексте «Преступления и наказания». Благодаря этой разметке 249-я и 250-я страницы принадлежавшего писателю Нового Завета в определенном смысле приобретают значение не только источника, но и творческих материалов к роману.

Так же можно квалифицировать и случай, когда слова Христа «Я есмь воскресение и жизнь» (ст. 25), подчеркнутые в экземпляре Достоевского карандашом, в тексте романа выделены авторским курсивом.

Наконец, косвенно о том, что первоначальным источником писателя было именно издание 1823 г., свидетельствует отсутствие разбивки евангельских цитат в «Преступлении и наказании» на отдельные стихи (так же, как в Новом Завете Достоевского), в то время как в изданиях начала 1860-х гг. текст (как это принято и теперь) композиционно членится на отдельные пронумерованные стихи, каждый из которых печатается с красной строки.

Из сделанных наблюдений вовсе не следует, что в новых изданиях «Преступления и наказания» необходимо восстановить в цитатах из Евангелия чтения ранней редакции перевода в соответствии с текстом Нового Завета 1823 г. Вопрос не может и не должен так ставиться уже потому, что неизвестно, кем, по каким причинам и с какой целью был выправлен в рукописи Достоевского первоначальный вариант. Сделано ли это было в редакции «Русского вестника»? Осуществил ли правку сам писатель, но по указанию М. Н. Каткова и Н. А. Любимова, когда вследствие известного конфликта с издателями журнала был вынужден переписывать сцену чтения Евангелия заново?⁴ Или, может быть, ис-

³ О том, что Евангелие, бывшее с Достоевским в остроге, лежало на его письменном столе в Люблино как раз в дни работы над четвертой частью романа, свидетельствует Н. Фон-Фохт. См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 53.

⁴ См. об этом: Тихомиров Б. Н. Из творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1990. № 4.

правление евангельских цитат было как-то обусловлено логикой творческой работы Достоевского? Поскольку ни рукописи (черновые или беловые), ни корректуры этой главы «Преступления и наказания» не сохранились, ответа на поставленные вопросы нет.

Впрочем, при анализе обнаружилось несколько разночтений в евангельских вставках в «Преступление и наказание» с соответствующими местами как в издании 1823, так и начала 1860-х гг. Так, например, стих 38 в обеих редакциях перевода тождественно читается: «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу». В тексте романа: «проходит» (6, 251). В стихе 37 в обеих редакциях: «...сделать, чтобы и этот не умер»; в тексте романа: «чтоб и этот не умер» (Там же). Есть ряд подобных случаев и в отношении пунктуации. По-видимому, все это не замеченные Достоевским описки и опечатки. Эти места, скорее всего, целесообразно привести в современных изданиях в соответствие с каноническим текстом Евангелия, оговорив исправления в примечаниях.

Но один-два случая хотелось бы выделить особо. В стихе 39 первая фраза читается и в издании 1823 и в издании начала 1860-х гг.: «Иисус говорит: отнимите камень». В прижизненных изданиях «Преступления и наказания» в оформлении этой фразы обнаруживается один графический нюанс: «Иисус говорит: Отнимите камень» (Там же). В художественной структуре романа эти слова Христа играют особую роль: евангельский камень, который в сцене воскресения Иисус велит отвалить от гроба Лазаря, в символическом плане «Преступления и наказания» соотносится с камнем на Вознесенском проспекте, под которым Раскольников «схоронил» (6, 317) кошелек и другие вещи старухи процентщицы. Поэтому появление в тексте Достоевского в этой фразе прописной буквы на месте строчной вполне может играть роль авторского выделения, аналогичного курсиву или акценту, и его желательно было бы сохранить. Однако в академическом издании, в отличие от прижизненных изданий романа, слова Христа напечатаны со строчной буквы. (Показательно, что во всех других случаях у Достоевского сохраняется строчная буква, с которой начинаются слова Христа после двоеточия в канонических текстах: стихи 23, 34, 40, 44. На таком фоне единственная прописная буква дополнительно воспринимается как авторское выделение.)

Во втором случае речь идет об авторском акценте в буквальном смысле. Стих 44, которым Сонечка заканчивает чтение, целиком данный авторским курсивом, напечатан в прижизненных изданиях так: «Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших что сотворил Иисус, уверовали в Него». Союзное слово, местоимение *что*, фактически вбирающее в себя весь смысл совершившегося события, всю полноту величайшего чуда, у Достоевского отмечено знаком ударения, отсутствующим и в издании 1823, и в изданиях начала 1860-х гг. (в придачу писатель убирает перед *что* запятую, тем самым как бы ослабляя его формально-грамматическую функцию как средства связи). Если, повторю, эпизод чтения героями Евангелия, сцена воскресения Лазаря является символическим «фокусом» всего «Преступления и наказания», то крохотное словечко *что* оказывается как бы «фокусом» этого «фокуса» и дополнительный авторский акцент на нем, конечно же, не

случае. Этот знак ударения, отсутствующий в академическом издании, непременно нужно восстановить (и это тем более естественно, что в других случаях в этом издании 13 раз сохранено авторское ударение на местоимении *что*⁵).

Заканчивая свои наблюдения, отмечу также одну, видимо, простую опечатку в евангельской цитате у Достоевского в тексте академического издания, где стих 41 напечатан так: «Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче, благодарю тебя, что ты услышал меня» (6, 251). И в прижизненных изданиях романа, и в текстах Нового Завета 1823 и 1863 гг. соответствующее место печатается «...и сказал: Отче! благодарю...» и т. д. Этот восклицательный знак также необходимо восстановить в современных изданиях «Преступления и наказания».

Достоевский цитирует Евангелие. Исключительная по своей содержательности, глубине, сложности встреча двух великих текстов мировой культуры. Особой сосредоточенности, ответственности, точности требует она от исследователя-текстолога.

⁵ См.: A Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment / Edited by Ando Atsushi, Urai Yasuo and Mochizuki Tetsuo. Vol. 3. С — Я, А — Z. Sapporo, 1994. Конкорданс (указатель слов в контексте) к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Составители А. Андо, Я. Урай, Т. Мотидзуки. Т. 3: С — Я, А — Z. Саппоро, 1994. С. 1278. (Университет Хоккайдо. Центр славяноведения).

В. А. КОТЕЛЬНИКОВ

КЕНОЗИС КАК ТВОРЧЕСКИЙ МОТИВ У ДОСТОЕВСКОГО

Мотив кенозиса¹ играет исключительно важную роль у Достоевского. Он напряженно переживается и осмысливается в религиозном и этическом планах, пронизывает весь художественный мир писателя, придавая ему всецело христоцентрический характер, ибо всякий кенотический сюжет, всякий кенотический жест в этом мире указывает на Христа, на событие жертвенного самоуничтожения Бога в Сыне Человеческом, на смирение Его, на принятие скорбей, страданий и крестной смерти ради спасения человека и торжества любви.

Именно это событие очень рано и очень остро воздействовало на религиозное сознание Достоевского, на нравственный строй его лично-

¹ Богословско-философская трактовка этого центрального христологического понятия восходит к трудам Климента Александрийского (см.: Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Т. 75. Col. 1320—1332). Разработка его в Новое время велась преимущественно протестантскими теологами (начиная с реформатских споров «криптиков» с «кенотиками»); православная мысль обратилась к нему в начале нынешнего столетия (см.: Тареев М. М. Основы христианства. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Т. 1. С. 7—134; Чекановский А. К уяснению учения о самоуничтожении Господа нашего Иисуса Христа... Киев, 1910). В современной науке отношение к «русской кенотической традиции» как религиозно-культурному феномену двойственно. Ср.: Бертинес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1994; Горичева Т., Мамлеев Ю. Новый град Китеж: Философский анализ русского бытия. Париж, 1989.

сти. Впервые оно было воспринято им через Книгу Иова, которая с ветхозаветной осязаемостью прообразует кенозис Боговоплощения и Голгофы.² Книга Иова, признавался Достоевский в письме к Анне Григорьевне, — «одна из первых, которая поразила меня в жизни»; и много позже она приводила писателя «в болезненный восторг» (29, 43).

Потрясало, что человек дерзко взывает из «праха и пепла» к Богу и Бог любовно нисходит к нему, отвечая «из бури», раскрывает перед ним смысл мироустройства и, наконец, «принимлет лице Иова».

Отсюда проистекает интуиция кенотизма, которая вела Достоевского от мучительных вопросов о существовании Божиим³ к положительным решениям в вере и творчестве. Если пути ее и уклонялись иногда от путей православной догматики,⁴ то все же как момент мирского богопознания она обогащает христианство и философски и художественно.

Достоевский приходит к кенотической антропологии: как бесконечное истощение Бога в человеческой природе, безущербное для божественного начала и спасительное для тварного, раскрывает он личность в ее движении к истине, благу и красоте. Ступени такого движения отчетливо обрисованы у него — это кенотические ступени «бедности», «страдания», «жертвы», «самоуничтожения», «смирения», «благодатного идиотизма», «безумия», «косноязычия», «кродства» и пр.

Обусловленность таких состояний ближайшими социальными и психологическими обстоятельствами (что обычно акцентируется исследователями) имеет второстепенное, вспомогательное значение. По своему религиозно-этическому содержанию, по свойствам личности носители этих состояний у Достоевского принадлежат к евангельским типам, к окружению Христа, что с замечательной пронизательностью отметил «сверхфилолог»⁵ Ницше. «Тот странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и „ребячество“ идиота»⁶; в другом месте («Казус Вагнер») он еще резче подчеркивает подобие и расширяет круг произведений: «Евангелия приводят нам точь-в-точь те самые физиологические типы, которые описывают рома-

² Об этом прообразовании см.: Бухарев А. Св. Иов многострадальный. Обзорение его времени и искупления, по его книге. М., 1864. С. 29—33, 42—43, 65, 94.

³ Такого рода вопросы не оставляли его всю жизнь; см. известное письмо к А. Н. Майкову от 25 марта 1870 г. (29, 117) и др.

⁴ Догматические воззрения позднего Достоевского рассматриваются в статье: Лурье В. М. Догматика «религии любви» // Христианство и русская литература: Сб. второй. СПб., 1996. Важные аспекты этой темы освещаются в работах: Абрамович Н. Я. Христос Достоевского. М., 1914; Guardini R. Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs grossen Romanen. Leipzig, 1932 (есть русский перевод: Брюссель, 1994); Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953; Буданова Н. Ф. Достоевский о Христе и истине // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10; Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского // Там же. 1994. Т. 11; Бочаров С. Леонтьев и Достоевский. Статья первая: Спор о любви и гармонии // Вопросы литературы. 1994. № 6.

⁵ Определение, данное В. С. Соловьевым.

⁶ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 656. (Перевод В. А. Флеровой).